

Это все , что остается

ОЛЕГ ПЕТ

Олег Пет

Это все, что остается

«Автор»

2026

Пет О.

Это все, что остается / О. Пет — «Автор», 2026

Разбирая вещи умершей матери, Арсений находит на балконе отцовский планшет. Внутри — таблицы, даты и фотография убитой женщины с надписью: «Спроси у трамвая 4». Отец вёл это дело. Отец погиб, не успев его закончить. Теперь Арсений идёт по его следу — через подвалы, архивы и кабинеты тех, кто заказывал убийства. Он не следователь. Он просто хочет знать правду. Но у правды есть цена. И когда он наконец добивается своего, остаётся один — с пустотой внутри и одной тетрадью, в которой записана вся его жизнь. Роман о расследовании, которое длится двадцать лет, и о жизни, которая начинается после него.

© Пет О., 2026

© Автор, 2026

Олег Пет

Это все, что остается

Пролог

Она умерла во вторник, в семь сорок три утра. Арсений запомнил время, потому что в эту секунду за окном включился уличный фонарь — датчик света среагировал на тучи, хотя по графику должен был погаснуть в шесть тридцать. Он сидел на кухне, пил остывший чай и смотрел на стрелку. Когда медсестра вышла из комнаты и покачала головой, он не заплакал. Он просто допил чай, помыл кружку, поставил её на сушилку ручкой вправо — как всегда. Потом позвонил в ритуальное агентство, продиктовал паспортные данные и заказал гроб без кружев, сосновый, самый дешёвый. Мать не любила лишнего шума.

Она была женщиной тихой. Все тридцать лет, что он помнил её, она передвигалась по квартире как тень, стирала пыль в одно и то же время, никогда не кричала. Даже когда отец погиб, она не кричала. Она села на стул, сложила руки на коленях и сказала: «Ну что ж, теперь мы одни». Арсению тогда казалось, что это нормально. Только позже он понял, что она так и не позволила себе горевать — она законсервировала его внутри, как варенье в банке, чтобы он не испортился и не занял слишком много места.

Он приехал к ней через неделю после похорон, когда всё уже было официально закрыто. Взял отпуск на работе — единственный за последние четыре года. Ему нужен был порядок. Надо было разобрать вещи, выкинуть лекарства, отключить телефон, вернуть ключи в домоуправление. Он всё записал в список. Пункт три: балкон.

Балкон был завален хламом, который она называла «нужным». Трехлитровые банки, перевязанные резинками, старые журналы «Работница», пустые канистры из-под масла. Арсений сортировал по категориям: стекло, бумага, пластик. Так он нашёл планшет.

Он лежал на дне картонного ящика, присыпанный газетной крошкой, кожаный, тёмно-коричневый, с застёжкой, которая не закрывалась до конца — замок сломался. Арсений узнал его. Отец носил этот планшет всюду, даже в ванную. Раньше он казался ему огромным, почти инопланетным. Теперь он выглядел маленьким, потёртым, как старая перчатка.

Он сел на корточки, прямо на бетонный пол, не постелив ничего, и открыл. Внутри лежали листы в клетку, исписанные плотным, мелким почерком отца. Никаких дневниковых записей. Только таблицы. Даты. Номера домов. Время. И против последнего листа, где стоял год — тот самый, девяносто шестой, — отец нарисовал жирный вопросительный знак, обвёл его в круг и написал сбоку карандашом: «Система решает, но человек ошибается. Где сбой?».

Арсений провёл пальцем по буквам. Бумага была шершавой, чернила выцвели до коричневого. От планшета пахло старым деревом, табаком и ещё чем-то — тем самым запахом отцовского пиджака, который он помнил, даже не помня лица. Он закрыл глаза и попробовал воскресить картинку. Не получилось. Лицо отца стёрлось, как истёртая цифра на рулетке. Остался только голос — низкий, спокойный, который повторял: «Смотри на факты, Арсений. Всё остальное — шум».

Он открыл планшет на середине. Там была приклеена фотография — чёрно-белая, с рваными краями. Женщина, лет тридцати, в платке, стоит у автобусной остановки. Под ней подпись: «Жертва №7, 17.08.96, время 21:03, смещение +400 м». Арсений перевернул фото. На обороте трясущимся почерком: «Не верю. Спроси у трамвая №4».

Он посидел ещё немного. На балконе было холодно, ветер шевелил газеты. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, и эхо отозвалось в бетонных стенах. Арсений аккуратно сложил листы обратно, застегнул планшет на сломанный замок и положил его на колени.

Он не знал, что делать. Он никогда не умел плакать, но сейчас в груди было ощущение, что там, внутри, что-то перекошилось — как шестерёнка, в которую попал камешек. Тиканье сбилось. И он понял, что не сможет просто выкинуть этот планшет в мусорный контейнер. Не сможет закрыть пункт три, вернуть ключи и уехать.

Потому что отец не просто ошибся. Отец что-то нашёл. И не успел сказать.

Арсений поднялся, отряхнул колени, и на мгновение ему показалось, что балкон стал теснее, а воздух гуще. Он вошёл в комнату, запер за собой дверь и сел за кухонный стол, как садился всегда — лицом к окну, спиной к стене. Разложил листы по порядку. Начал с первого.

За окном снова зажгли фонарь, хотя был всего четвёртый час.

Часть первая

РАССЛЕДОВАНИЕ

Вступление

Ночь была мокрой и чёрной, как разлитая нефть. Виктор Кравцов шёл по улице Ленина, прижимая к груди папку с документами, и слышал за спиной ровный гул мотора. Машина ехала медленно, без фар, на расстоянии двух кварталов. Он знал, что это они. Знал с того момента, как вышел из архива и увидел тёмный силуэт у фонаря.

Дождь стучал по асфальту, смывая следы. Виктор свернул в переулок — короткий, освещённый одним мигающим фонарём. Тупик. Он понял это слишком поздно: забор, за ним — стройка, грязь, бетонные плиты. Обратно пути нет. Мотор за спиной взревел, и фары вспыхнули, выхватив его из темноты.

Он побежал. Папка мешала, он прижимал её к груди, как ребёнка. Ноги скользили по мокрой глине. За спиной хлопнула дверца, потом вторая. Он не оборачивался. Увидел лазейку между бетонными плитами, нырнул туда, разодрал плечо о ржавую арматуру. Кровь смешалась с дождём. Он прополз ещё метр и оказался у стены старого дома — глухой, кирпичной, с одним окном, забитым досками.

Здесь он остановился. Достал из папки тетрадь — ту самую, в клетку, с ровными буквами без помарок. Последняя запись: «Сидоров — подставной. Настоящий заказчик — С. М. Докзательства у вдовы». Он выломал один кирпич у основания стены, засунул тетрадь в углубление и вернул кирпич на место. Мокрый, грязный, он стоял на коленях и молился, чтобы кто-нибудь когда-нибудь нашёл это.

Фары выхватили его спину.

Он успел подняться. Успел сделать шаг. Последнее, что он видел, — красные огни, удаляющиеся в темноту. И дождь. Дождь, который всё смывал....

Глава первая

Он просидел за столом до полуночи. Разложил листы по датам, как карточную колоду, и переписал всё в тетрадь в клетку — ровными буквами, без помарок. Шесть убийств, одно нераскрытое- седьмое. Жертвы — женщины от двадцати пяти до сорока лет, все в одном районе, все в тёмное время суток. Отец записывал координаты, погоду, фазу луны, маршруты транспорта. Никаких имён подозреваемых, никаких показаний свидетелей. Только цифры.

На седьмом листе, против 17 августа, стояла пометка: «Показания очевидца: высокий, в тёмном пальто, хромал на правую ногу». Дальше шло примечание, сделанное карандашом, почти стёртое: «Не совпадает с расписанием. Трамвай №4 ушёл на 12 минут позже — задержка из-за аварии на путях. Если он хромал, он не мог успеть к остановке. Значит, или очевидец врёт, или он не хромал». И внизу — снова вопрос: «Зачем ему пальто в августе?»

Арсений закрыл тетрадь и пошёл на кухню. Налил воды из-под крана, выпил стоя. За окном моросил дождь, фонарь мигал через равные промежутки — неисправный датчик. Он посмотрел на часы: два ночи. Спать не хотелось. Он открыл ноутбук и забил в поиск: «расписание трамвая №4, 1996 год, город N -город, где он вырос». Через час он нашёл архив городского транспорта, оцифрованный энтузиастами. Скачал таблицу, прогнал глазами. Задержка действительно была — 12 минут, подтверждено диспетчерской.

Значит, отец был прав. Очевидец либо ошибался, либо его подкупили. Арсений сделал пометку в тетради: «Проверить личность свидетеля».

Утром он поехал в архив МВД, представился журналистом, попросил дело №7 за 1996 год. Ему отказали.

— Не имею право — ответила женщина с усталыми глазами.

Арсений вышел из здания архива в половине двенадцатого. Дождь ещё не начался, но воздух был тяжёлым, как перед грозой. Он спустился по ступеням, сунул руки в карманы и пошёл к остановке, размышляя о том, куда обратиться дальше.

Мужчина в сером плаще стоял у газетного киоска. Арсений не обратил на него внимания — мало ли людей. Но когда он прошёл двадцать метров, краем глаза заметил: серый плащ двинулся следом. Не быстро, не медленно, ровно на таком расстоянии, чтобы не бросаться в глаза.

Арсений свернул за угол. Сердце стукнуло чаще. Он прошёл через двор, мимо детской площадки с ржавыми качелями, нырнул в арку. За спиной — шаги. Те же. Он остановился, сделал вид, что смотрит на телефон. Серый плащ остановился тоже, у стены, и закурил. Руки у него были крупные, тяжёлые, как у грузчика.

Арсений рванул в проходной двор. Шаги за спиной сорвались на бег. Он перепрыгнул через низкую ограду, обогнул мусорный контейнер, но споткнулся о бордюр. Мужчина настиг его в два прыжка, схватил за воротник, развернул.

— Стой, — прошипел он. — Ты слишком много...

Арсений не дал ему договорить. Рюкзак — тяжёлый, с ноутбуком и тетрадями — пошёл вверх и врезался в челюсть. Мужчина отшатнулся, выругался, и Арсений, не теряя секунды, рванул дальше. Он слышал за спиной мат и топот, но не оборачивался. Свернул в подворотню, потом ещё раз, потом через дыру в заборе — во двор, заваленный старыми крышками. Там он упал за мусорными баками, прижался к земле и зажал рот рукой, чтобы не выдать себя хрипом.

Шаги приблизились. Мужчина остановился в трёх метрах, тяжело дышал. Потом достал телефон.

— Ушёл, — сказал он в трубку. — Но он точно что-то знает. Папку отца видел. Надо доложить.

Он ушёл. Арсений лежал ещё минуту, чувствуя, как колотится сердце и как холодная грязь пропитывает куртку. Потом медленно поднялся, отряхнулся и записал в тетради, стоя под козырьком:

«11:42 — попытка задержания. Мужчина, серый плащ, ~50 лет, тяжёлый. Работают профессионально. Знают о деле отца. Вывод: я на верном пути».

Неспеша пошел домой. Разделся. Налил чая.

Немного подумав, он позвонил бывшему напарнику отца — номер нашёл в старой записной книжке матери, среди страховых полисов и квитанций за свет.

Трубку взяли после шестого гудка. Голос хриплый, с кашлем.

— Алло.

— Здравствуйте, это Арсений Кравцов, сын Виктора Кравцова. Я звоню по поводу дела 1996 года, убийство на улице Гагарина.

Молчание. Потом тяжёлый вздох.

— Ты чего, парень? С утра пить начинаешь? Закрой эту тему, слышишь.

— Мне нужно с вами встретиться.

— Я тебе ничего не скажу.

— Вы были единственным, кому отец доверял. В его записях есть ваши инициалы. Григорий Иванович, вы не можете просто так бросить трубку.

Снова молчание. Слышно было, как на том конце кто-то наливает жидкость в стакан.

— Ладно. Приезжай. Я живу на Северной, дом пять, квартира восемь. Только предупреждаю: я тебя выгоню, если начнёшь про отца спрашивать.

Он положил трубку.

Арсений оделся, взял планшет, тетрадь, диктофон. Выходя, остановился у зеркала. Собственное лицо показалось ему чужим — бледное, глаза серые, без блеска. Он поправил воротник и закрыл дверь на два оборота.

Дом на Северной стоял в конце тупика, облупленный, с ободранной лестницей. Квартира пахла перегаром и старыми книгами. Григорий Иванович открыл дверь в тренировочных штанах и майке, хотя на улице было всего плюс десять. Он был лыс, с седой щетиной, и руки его дрожали.

— Заходи. Только не ной.

Они сели на кухню. На столе стояла бутылка водки, наполовину пустая, и солёные огурцы в тарелке. Григорий налил себе, не предложил гостю.

— Отец твой был лучшим сыщиком в отделе, — сказал он, не глядя на Арсения. — Всех остальных уволили, а его оставили. Он видел то, чего другие не видели. Как ты, говорят, тоже.

Арсений кивнул.

— Я нашёл его планшет. Он писал про трамвай №4. Задержка на двенадцать минут.

Григорий крикнул, отпил водки.

— Ага. И что?

— Если очевидец говорит, что подозреваемый хромал, он не мог хромать и успеть к трамваю. Значит, он не хромал или очевидец врёт. Но зачем очевидцу врать?

Григорий поставил стакан на стол, и тот качнулся.

— Ты прав. Очевидец врал. Но не потому, что его подкупили. Он боялся. Он знал, кто убийца, но молчал, потому что у того были связи. Твой отец докопался, узнал фамилию. А через неделю его сбила машина.

— Кто?

Григорий посмотрел ему в глаза. Взгляд был тяжёлым, мутным от алкоголя, но цепким.

— Скажу тебе одну вещь, и ты уйдёшь. У нас была версия что убийца работал в похоронном бюро «Мемориал». Он возил тела из морга в крематорий. Имел доступ к местам преступлений, забирал улики, которые не заметили оперативники. Твой отец это понял, но не успел оформить. А я не успел его защитить.

Он допил водку и поставил стакан на стол с глухим стуком.

— Теперь ты знаешь. Иди. И больше никогда не звони.

Арсений не пошевелился. Он смотрел в окно, где за мутным стеклом падал дождь, и считал капли.

— «Мемориал», — повторил он. — Это на углу Ленина и Пушкина?

Григорий усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Умный. Как отец. Только он не дожил до ответа.

Он встал, подошёл к двери и открыл её настежь. С лестницы тянуло сыростью и табаком.

— Иди, Арсений. Живи. Не становись таким, как он.

Арсений вышел в коридор, но на пороге обернулся.

— Григорий Иванович, вы сказали, что он узнал фамилию. Вы знаете её?

Григорий помедлил, потом прошептал, почти беззвучно:

— Знаю. Но говорить не буду. Потому что эта фамилия сейчас у всех на слуху. И если я назову её, тебя убьют, как убили его.

Он закрыл дверь. Замок щёлкнул.

Арсений постоял секунду, глядя на облупленную краску, потом развернулся и пошёл вниз по лестнице, пересчитывая ступени.

Двенадцать. Ровно двенадцать, как минуты задержки трамвая. Он вышел на улицу и поднял воротник куртки. Дождь уже прекратился, но ветер гнал по асфальту мокрые листья.

Он достал телефон, открыл карту и вбил адрес: улица Ленина, угол Пушкина.

«Мемориал» работал до шести вечера. Было начало десятого утра.

Арсений пошёл к остановке, не оглядываясь. За спиной хлопнула дверь подъезда — кто-то вышел следом. Он услышал шаги, но не обернулся. Только ускорил шаг и свернул за угол, туда, где толпились люди у киосков.

Город просыпался, и в его утреннем гуле Арсений попытался различить ритм трамвая. Но вместо этого услышал, как затихают за спиной чужие шаги.

Он остановился на минуту, перевёл дыхание и записал в тетради: «9:47 — начал наблюдение. Возможный интерес к моей персоне».

Потом спрятал тетрадь и пошёл дальше, не сворачивая. У него было шесть часов до закрытия «Мемориала», и он собирался провести их с пользой. Надо было найти старые газеты, фотографии похоронного бюро, списки сотрудников. Отец не успел, но у Арсения было то, чего не было у отца — время и интернет.

Он зашёл в первое попавшееся кафе, заказал чёрный чай без сахара и открыл ноутбук.

Система начинала собирать данные.

Глава вторая

«Мемориал» оказался серым двухэтажным зданием с узкими окнами и вывеской, на которой буква «М» чуть облупилась. Арсений подошёл к входу в половине одиннадцатого. Дверь была стеклянная, но за ней висела тяжёлая штора, сквозь которую не проглядывало ничего, кроме тусклого света.

Он толкнул дверь. Внутри пахло воском, сухими цветами и ещё чем-то приторным — химией, которой обрабатывают воздух в больницах. Пол был выложен кафелем, но не блестел, а матово отражал свет люминесцентных ламп. В углу стоял столик с преysкурантами и корзиной для визиток.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти, в очках с тонкой оправой, перебирала бумаги. Она подняла голову и посмотрела на Арсения поверх очков.

— Здравствуйте. Мы работаем с одиннадцати, приём заказов — после часа.

— Мне нужно не заказывать, — сказал Арсений. — Мне нужна информация о сотрудниках, которые работали здесь в девяностых.

Женщина сняла очки. Глаза у неё были серые, усталые.

— Вы из полиции?

— Нет. Я сын человека, который расследовал убийство в 96-м. Здесь работал тот, кто мог быть причастен.

Она помолчала, потом медленно сложила бумаги в стопку.

— Слушайте, молодой человек, я здесь работаю всего пять лет. Ничего не знаю о девяностых. У нас часто меняется персонал. И вообще, это похоронное бюро, а не детективное агентство.

— У вас есть архив. Личные дела уволившихся.

— Архив на чердаке. Там всё в беспорядке, и я не имею права пускать посторонних.

Арсений вынул из кармана тетрадь, открыл страницу с фамилиями сотрудников, которые он нашёл в старых газетах. Там было три имени. Он положил тетрадь перед ней.

— Вот эти люди работали здесь в тот год. Один из них — водитель катафалка. У него был доступ к телам после вскрытия. Вы не знаете, кто из них до сих пор где-то работает?

Женщина взглянула на лист, и что-то дрогнуло в её лице — неуловимо, как тень от облака.

— Второй, — сказала она тихо. — Сергей Петрович. Он уволился в 98-м, уехал в другой город. Но он не водитель, он был администратором. А водителей было двое: один умер, другой переехал. Но того, кто вам нужен, здесь нет.

— Откуда вы знаете?

Она сняла очки и протёрла их краем платка. Стекло блеснуло под лампой, и на мгновение Арсений увидел в них отражение собственного лица — бледного, без выражения.

— Потому что Сергей Петрович — мой бывший муж. И у него была хромота на правую ногу. Он всегда хромал, когда уставал. Но в тот год он не хромал — он попал в аварию за месяц до убийства. Я знаю, потому что ухаживала за ним в больнице.

Арсений замер. Сердце забилось ровно, но в висках зашумело.

— Вы говорите, он хромал после аварии? Или до?

— После. До неё он был здоров. Операция была неудачной, ему поставили металлический штифт.

— Значит, он не мог хромать в августе 96-го, потому что авария была позже, — медленно произнёс Арсений. — Очевидец говорил о хромом мужчине, но это был кто-то другой.

Женщина кивнула. Она выглядела усталой, глубокие тени под глазами говорили о бессоннице.

— Да. Я тогда думала, что это случайность. Но Сергей рассказывал, что приходил следователь, ваш отец. Он расспрашивал о расписании, о ногах. Потом Сергей испугался и уволился. Он сказал мне: «Тут что-то нечисто. Лучше уехать».

— Куда он уехал?

Она долго молчала. Где-то наверху что-то упало — глухой стук, как закрывающаяся дверь.

— В Псков, я слышала. Но это было давно. У нас нет связи.

Арсений записал в тетрадь: «Сергей Петрович, бывший администратор, уехал в Псков. Авария — ключевое несовпадение. Хромота появилась после, значит, убийца не он».

Он поднял глаза.

— У вас есть фотографии сотрудников за 96-й? Групповое фото или что-то подобное?

Женщина покачала головой.

— Нет. Всё выбросили при ремонте. Но я помню всех. Кроме водителей, был ещё один человек — молодой парень, помощник. Он не хромал, носил чёрное пальто, даже летом. Гово-

рили, что у него проблемы с кожей, он боялся солнца. Работал недолго, уволился сразу после того убийства.

Арсений почувствовал, как в груди что-то щёлкнуло — как замыкается контакт.

— Пальто в августе, — сказал он. — Как у того, кого видел свидетель. Он хромал? Нет. Он просто шёл медленно, потому что его пальто было тяжёлым.

— Возможно. Я не знаю его имени, он назывался просто «Саша». Сказал, что приехал из другого города. Никто не проверял, тогда всё было проще.

Арсений закрыл тетрадь. Он чувствовал, что приближается — не к истине, а к точке, где истина прячется. Осталось найти Сашу.

— Спасибо, — сказал он. — Вы мне очень помогли.

Она посмотрела на него с тревогой.

— Молодой человек, будьте осторожны. Сергей говорил, что тот парень был странным. Очень тихим, всегда смотрел в одну точку. И после того убийства он исчез, как будто его никогда не было.

— Куда он ушёл?

— В никуда. Просто перестал выходить. Мы думали, что он уволился, но в ведомостях стояло «уволен по собственному», и подпись была его. Но подпись не похожа на его почерк — он писал не так. Это заметила бухгалтер, но ей сказали молчать.

Арсений кивнул, встал. На выходе он обернулся:

— Как звали бухгалтера?

— Анна Степановна. Она умерла в прошлом году. Но она была единственной, кто заподозрил подделку.

Он вышел на улицу. Свет был холодным, резким, без солнца. В кармане зазвонил телефон. Он не взял трубку — он знал, что никто не должен знать, где он сейчас. Но взглянул на экран: номер незнакомый.

Он сбросил вызов. Через минуту пришло СМС: «Ты зря копаешь. Вернись к своей жизни, пока не поздно».

Арсений убрал телефон в карман и пошёл по тротуару, считая шаги. Двести тридцать до угла. Он дошёл до аптеки, купил воду и аспирин. За спиной никто не шёл.

Но он знал: кто-то следит. Возможно, тот, кто подписал приказ об увольнении вместо Саши. И этот кто-то жив до сих пор.

Он остановился у старого здания почты, достал тетрадь и написал на чистой странице:

«Саша — ключ. Без пальто и без хромоты. Найти его — значит найти заказчика. Или того, кто его убрал».

Потом он посмотрел на небо. Серое, ровное, без облаков. Как простыня на кровати умершей матери. Он не думал, что будет завтра, но точно знал, что не остановится.

Ровно в полдень он зашёл в интернет-кафе, открыл сайт архива газет за 96-й и набрал в поиске: «Псков, похоронное бюро, исчезновение». Система выдала три ссылки. Он кликнул на первую и начал читать.

Глава третья

Статья была короткой, на три абзаца, и вышла в местной газете «Псковский вестник» 14 сентября 1996 года. Арсений перечитал её три раза, прежде чем понял, что держит в руках.

«Вчера, 13 сентября, в одном из частных похоронных бюро города Пскова произошёл пожар. Сгорел склад с документацией и архивом за последние пять лет. Причины возгорания выясняются. По предварительным данным, погибших нет. Сотрудники бюро не пострадали. Среди пропавших числится временный сотрудник Александр, личность которого не установлена. Предположительно, он мог покинуть город накануне происшествия».

Арсений откинулся на спинку стула. Пластиковое сиденье скрипнуло. Он посмотрел на экран, потом снова на текст. Даты совпадали. Через месяц после убийства в его городе — пожар в Пскове. Склад с документами сгорел, а Саша исчез. Не просто уволился — исчез в прямом смысле, потому что его личность так и не установили.

Он записал в тетрадь: «13.09.96 — пожар в Пскове. Саша пропал. Документы уничтожены. Значит, кто-то знал, что он там работает, и хотел замести следы».

В интернет-кафе было шумно. За соседним столом кто-то громко смеялся, стучал клавишами. Арсений надел наушники, но не включил музыку — просто чтобы отгородиться. Он снова открыл поиск, набрал «пожар похоронное бюро Псков 1996». Больше ничего не нашлось. Только одна заметка, как будто событие стёрли из памяти города.

Он вышел из кафе в половине второго. День стал серым, без теней, будто кто-то затянул небо ватой. Арсений сел на скамейку у остановки, расстегнул рюкзак и достал планшет отца. Он уже знал его наизусть, но всё равно открыл снова. На последней странице, между таблицами и схемами, отец написал карандашом: «Псков — след. Спросить у вдовы П.».

Арсений нахмурился. Вдовы П.? Он не помнил ни одной фамилии на «П» в деле. Он перечитал все имена жертв — ни одна не была замужем. Может, это вдова кого-то из свидетелей? Или самого Саши?

Он достал телефон и набрал Григория Ивановича. Тот не ответил. Арсений попробовал ещё раз — гудки, потом сброс. Он написал СМС: «Кто такая вдова П. из записок отца?». Не получил ответа.

На скамейке стало холодно. Арсений поднял воротник куртки и посмотрел на часы: 14:07. У него было ещё три часа до того, как он запланировал вернуться домой и разобрать вещи матери. Но теперь он знал, что не вернётся. Не сможет.

Он встал и пошёл к автобусной остановке. В голове выстроился новый маршрут: Центральный архив, отдел городского хозяйства — там должны храниться разрешения на строительство и перепланировку похоронного бюро. Если пожар был поджогом, то должны были остаться документы о страховке, о восстановлении. Может быть, фамилия владельца.

Архив работал до пяти. Арсений доехал на автобусе за двадцать минут, прошёл через турникет, предъявил паспорт. Сотрудница за стойкой, девушка с короткой стрижкой, внимательно посмотрела на него.

— Вы кого ищете?

— Похоронное бюро «Мемориал», документы о пожаре 1996 года.

— У нас нет таких документов. Всё передано в городской архив, а оттуда — в МЧС. Но я могу проверить по электронной базе.

Она застучала по клавиатуре. Монитор отражался в её очках, и Арсений видел, как бегут строчки.

— Есть акт о пожаре. Но фамилия владельца не указана — он был арендатором. Площадь принадлежала городу. Арендатор — некий П. С. С. Инициалы. Полное имя — Пётр Степанович Сидоров.

Арсений ощутил, как внутри что-то поворачивается.

— Сидоров? — переспросил он. — Это реальная фамилия или псевдоним?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю. В документах указан паспорт, но у нас нет копии. Вы можете запросить в паспортном столе, но это займёт неделю.

— Адрес?

Она назвала улицу и номер дома — старый район, частный сектор. Арсений записал, поблагодарил и вышел.

Он шёл по улице, не разбирая дороги. Пётр Степанович Сидоров. П. С. С. Вдова П. — возможно, это вдова Сидорова. Но почему отец искал её? Что она знала?

Он остановился у продуктового ларька, купил бутылку воды и бублик. Съел на ходу, запивая. Вкуса не было. Мысли работали ровно, как машина, и в этой ровности было что-то пугающее.

Он зашёл в телефонную будку — старую, с ободранной трубкой. Набрал номер справочной, попросил телефон вдовы Сидорова. Ему дали номер, но сказали, что абонент отключён.

Тогда он набрал адрес, который записал, и поехал туда. Дом был деревянным, покосившимся, с заколоченными окнами. На двери висел замок. Соседка, старуха с палкой, высунулась из соседнего двора.

— Вам кого?

— Вдову Сидорова.

— А нет её. Умерла три года назад. Дом заброшен.

Арсений стоял на тротуаре, глядя на заколоченные окна. Внутри было пусто. Пыльно. Ничего не осталось.

— А вы не знаете, почему она жила одна?

Соседка усмехнулась, показав жёлтые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.